

**РАКОВСКАЯ ЕВГЕНИЯ ЛЕОНАРДОВНА,
СПЕЦИАЛИСТ ОТДЕЛА ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
МБУК «ОБЪЕДИНЕНИЕ БИБЛИОТЕК»
Г. ЧЕРЕПОВЕЦ**

ОБ АНАЛОГИЯХ БЕРЕСТЯНОЙ МАСКИ ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЛУКОВЕЦ В ЧЕРЕПОВЕЦКОМ РАЙОНЕ

Луковец – уникальный археологический комплекс средней Шексны. Расположен в Рыбинском водохранилище в 10 километрах к западу от Череповца. Ранее село Луковец занимало часть правого берега реки Шексны в одном километре ниже впадения в нее реки Суда. С 1941 года затоплен. К настоящему моменту максимальные размеры острова составляют приблизительно 250х50 метров, высота над уровнем воды до одного метра.

С 1945 года краеведами и археологами ведутся сборы подъемного материала. В 1992 году экспедицией под руководством А.В. Кудряшова начались раскопки поселения, которые с перерывами велись по 2002 год. Мощность сохранившегося культурного слоя на Луковце достигает двух метров, в ямах – до трех метров. Слои датируются X-XII веками. Благодаря влажности в культурном слое памятника сохраняются органические материалы, в том числе из дерева и бересты.

При раскопках поселения была обнаружена маска (рис. 1). Это вырезанный из бересты неправильный круг, диаметром около 22 см. В круге проделаны отверстия для глаз и рта. По краю маски идет плотный ряд проколов. Поскольку культурный слой поселения сохраняет ярусы средневековых построек, маску удалось датировать: она залегала в слое конца X — начала XI вв. Более нигде на территории Вологодской области подобных находок сделано не было.

Столь яркая и редкая вещь неизбежно порождает желание выяснить ее «подноготную». Однако не только череповецкие, но и общероссийские

«закрома» не очень богаты находками масок. Причина вполне понятна – маски делали из непрочных органических материалов – кожи, ткани, бересты.

И все-таки, «коллега» Луковца по консервации древней органики – Новгород, пришел на помощь в попытках интерпретации луковецкой маски.

Б.Б. Овчинникова, Е.В. Копнина в статье «Маски и их роль в средневековой культуре Новгорода» развивают свою точку зрения на происхождение и назначение масок [3:118-134].

Новгородская коллекция насчитывает 13 экземпляров кожаных масок. Условно их делят на три категории: зооморфные, антропоморфные и смешанные. Антропоморфных масок всего две; зооморфных – также две (их считают таковыми за наличие «ушек»); смешанных более всего – 9.

Авторы последовательно рассматривали назначение масок как атрибута скоморохов, волхвов, обычных людей во время обрядовых действий. И приходят к выводу, что ни скоморохи, ни волхвы скорее всего не пользовались такими неудобными для их роли предметами [3:118-127].

Авторы предлагают обратиться не к персонам, которым могло понадобиться сокрытие лица, а к тем ситуациям, когда это требовалось. В первую очередь – к традиционным русским праздникам, на которых главными участниками и исполнителями всегда являлись самые обычные люди. Единственное ограничение, которое, кстати, тоже могло нарушаться — это своеобразный половой и возрастной ценз. Как правило, заводилами были молодые люди. Почти ни в одном из описаний этих праздников или “бесчинств” (по словам служителей церкви) не встречаются упоминания ни о волхвах, ни о скоморохах.

Среди известных гуляний и празднеств эпохи средневековья обозначим лишь те, в которых использование масок было наиболее частым. Оказывается, с “машкированием” можно было встретиться главным образом на Святочной неделе. Этот период начинается с 25 декабря: “Рождество”, “Рождество Христово”, “Святки” празднуются с “гулянками” три дня.

“Местами уже со второго — третьего дня Святков по вечерам “машкаруютца” или “бегают нарядчиками””. Следом за святками идет 1-е января — “Новой год”, он же “Васильев день”. “Новый год... празднуется поголовно и повсеместно. Вечером лица обоего пола от мала до велика, “машкаруются”, т.е. маскируются, кто во что горазд и посещают избы или “бегают нарядчиками” с целью потешить хозяев. В последующие за тем дни производятся обычные работы; но вечерки и маскарады продолжаются с необыкновенным оживлением вплоть до Крещения.

Всем этим праздникам соответствуют так называемые “святочные игры”. Одной из основных игр, где использовалась маска, которая была типична для Святков, а в другой время не проводилась — это “игра в покойника”. Исследователи сходятся во мнении, что существует тесная связь между этой игрой и культом предков. Как один из аргументов они приводят тот факт, что мужчина, изображающий покойника, иногда надевал маску.

Так, по наблюдениям Г. К. Завойко выявлено, что “лицо покрывают платком или одевают личину (маску), деревянную долбленную (или из бересты), страшную, неприглядную”. В отличие от большинства игр, где покойнику отведена пассивная роль, известен и тип игрища, в котором ряженные покойниками ходили от избы к избе и при этом вели себя весьма буйно. “Покойниками наряжается не только молодежь, но и женатые мужчины, и притом по нескольку человек, так что в избу для посиделок врывается целая артель “покойников”” [3:128].

Описание того, как выглядели маски для “игры в покойника”, очень напоминают новгородские, однако далеко не обо всех новгородских масках можно сказать, что они использовались во время подобной игры.

Святочные игры были почти исключительно достоянием холостой молодежи. Игры эти носили очень специфический характер. Маскирование способствовало различным вольностям. Изучение же игр показывает, что их эротический характер имел обрядовое значение. Так же как плодovitость животных в шествии с козой, которую пытались путем совершения обрядов,

приписывающего ей заклинательное значение, передать земле, так и человеческую плодovitость пытались перенести на плодородие земли.

В этой связи показательна игра “в кузнеца”. Она состояла в том, что парень, изображавший кузнеца, полуголый, в одних портках, с нарисованными на теле пуговицами, хвастает, что умеет “старых на молодых переделывать”. Ряженный старик уходит под полог, изображавший нечто вроде наковальни, сбрасывает маску старика и выходит оттуда подростком.

Даже в этих двух играх мы видим, какое значение придавалось маске. Снятие маски олицетворяло возрождение; это перекликается и с рядом святочных обрядов, которые направлены на возрождение природы.

Вероятно, новгородские кожаные маски могли использоваться в подобных обрядах. Как показывает ряд источников, участие в подобных игрищах воспринималось как скверна самим народом. Скрытие лица под маской было весьма важным, дабы не быть узнанным. К тому же маска служила своеобразным оберегом.

Приняв в качестве версии использование масок в обрядовых праздничных “действиях”, авторы пытаются определить, какой тип кожаной маски из новгородской коллекции мог быть включен в тот или иной обряд.

— Зооморфные маски, вероятнее всего, были задействованы для развлечения публики.

— Антропоморфные маски привлекались также в Святки и Новый год для развлечения публики.

— Маски так называемого “смешанного” типа, могли использоваться во время игрищ — игру в “покойника” или в “кузнеца”, а также во время святочных праздников при хождении по домам для развлечения публики [3:130-131].

Тем не менее, проводить прямую аналогию с новгородскими масками маски с Луковца (которая по формальной типологии может быть отнесена к смешанному типу) вряд ли представляется возможным. Большинство масок Новгорода относится к периоду 13 века, хотя встречаются и более древние

экземпляры. Это время, когда христианские ритуалы уже занимали значительное место в жизни новгородцев.

Луковецкая датируется концом 10 - началом 11 веков — временем, когда обычаи новой религии, особенно на периферии, еще вряд ли установились широко и прочно. Тем не менее, какие-то общественно значимые религиозные ритуалы (переход к новому времени года, обеспечение плодородия и прочее) без сомнения были важными скрепами средневековой общины. И кто-то из луковчан являлся активным участником белозерских «маскарадов».

Список источников и литературы

1. Кудряшов А.В. Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о раскопках поселения Луковец в Череповецком районе 1995 г. Архив ИА РАН.
2. Кудряшов А.В. Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о раскопках поселения Луковец в Череповецком районе 1996 г. Архив ИА РАН. С. 23 - 61
3. Овчинникова Б. Б. Маски и их роль в средневековой культуре Новгорода / Б. Б. Овчинникова, Е. В. Копнина // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. — (Проблемы истории России. Вып. 3). — С. 118-134.
4. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси, М., 1988.

Рис. 1. Маска